№ 3

С.-Петербургъ. — Еженедѣльно. — Апрѣль 1906.

Цѣна 10 коп.

„Анчаръ"

журналъ политической и общественной сатиры.

Розничная цѣна: { Въ Петербургѣ — 10 коп. / Въ Провинціи — 15 коп. } за экземпляръ.

„Анчаръ"

Рабъ исполнилъ повелѣніе. Собразъ ядъ, онъ принесъ его и ослабѣ ь и легъ

Подъ сводомъ шалаша, на лыки.
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Но мы не хотимъ слѣдовать примѣру этого раба. Родина, съ испоконъ вѣковъ пропитанная ядомъ произвола, лежитъ, ослабѣвшая, въ шалашѣ, на лыкахъ.

Скорбный стонъ несется изъ шалашей...

Но, ослабѣвъ, не хочетъ умирать народъ. Онъ борется съ произволомъ и ядомъ сарказма отвѣчаетъ на ядъ стрѣлъ.

Пусть умираютъ безвольные рабы. Россія, безропотно исполнявшая до сихъ поръ повелѣніе самовластныхъ чиновниковъ и въ награду за терпѣніе выкупанная въ крови, имѣетъ право жить.

Жить и возрождаться. Жить и бороться, пока финаломъ борьбы не явится гражданская свобода.

Рабы умираютъ молча. Мы умираемъ, не переставая кричать о насиліи.

Но настанетъ, наконецъ, свѣтлый день, когда померкнетъ образъ смерти, витающій надъ шалашами рабовъ, и они, разбивъ оковы, не будутъ больше служить слѣпой игрушкой въ рукахъ надсмотрщиковъ.

Современные рабы продолжаютъ бѣгать за ядомъ. Угодливо приносятъ они убійственный ядъ и вручаютъ его надсмотрщикамъ надъ жизнью и честью страны. Надсмотрщики напитываютъ ядомъ свои бюрократическія стрѣлы и разсылаютъ этихъ гонцовъ гибели во всѣ стороны родной земли.

Горе рабамъ, приносящимъ ядъ для своихъ братьевъ!

Но ядъ анчара имѣетъ свойство другихъ ядовъ. Онъ одинаково страшенъ всѣмъ. Какъ ядъ, онъ губитъ тѣхъ, кто къ нему прикасается. Направленный изъ палатъ въ шазаши,—онъ вноситъ ужасъ въ среду рабовъ. Направленный изъ шалашей въ палаты—онъ не жалѣетъ служителей безправія.

Ядъ „Анчара" направленъ только въ одну сторону. Онъ разсылаетъ свои ядовитыя стрѣлы изъ стана рабовъ, не довольствуясь жалкой смертью у ногъ россійскаго владыки—непобѣдимаго двуликаго Януса—Сергѣя и Петра.

Стрѣлы „Анчара" — не бомбы. Они выпускаются изъ типографской машины и ядъ сарказма держится на кончикѣ пера.

Мы будемъ выпускать эти стрѣлы до тѣхъ поръ, пока... въ свою очередь не ослабѣемъ и не умремъ, чтобы дать мѣсто новымъ анчарамъ.

Или до тѣхъ поръ, пока рабъ не услышитъ крикъ къ нему обращенный vivat, victor!

Редакція намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся современныя явленія и на страницахъ журнала „Анчаръ“ отмѣчать въ прозѣ, стихахъ и карикатурахъ всѣ факты политической и общественной жизни, являющіеся наиболѣе яркимъ отраженіемъ переживаемой нами эпохи.

Редакція доводитъ до свѣдѣнія гг. читателей, что 2-й нумеръ „Анчара“, арестованъ въ типографіи, и, при всемъ желаніи редакціи, не могъ быть выпущенъ. Оставалось выпустить № 3, что мы и дѣлаемъ.

Слабая надежда: Авось не арестуютъ?

„Ridendo castigo“ — таковъ девизъ „Анчара“, и честному служенію этому девизу посвящены будутъ полностью его столбцы и рисунки. Въ смѣхѣ нашемъ не будетъ ничего утрированнаго и оскорбительнаго, плоскаго и пошлаго. „Долой... произволъ, насиліе, глупость и порокъ во всѣхъ его проявленіяхъ“,— таково credo „Анчара“.

Рѣка шумитъ...

. . . Это была святая, хрустальная слеза, которую выбросила изъ своихъ таинственныхъ нѣдръ мать — земля, превративъ ее въ тихо журчавшій ключъ, побѣжавшій по зеленому, съ мягкою, шелковистою травою—оврагу ...

Тамъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, большая, шумная рѣка взяла свое начало. Съ шумною воркотнею побѣжали ея первыя холодныя струи, какъ тонкая лента съ нанизанными жемчужинками — тянулись онѣ по зеленымъ дубравамъ, гдѣ гордо шумѣлъ царственный дубъ . . .

Тихія воды выбѣгали на сочные, съ молодыми цвѣтами, луга . . .

Легкія, играющія стрекозы касались прозрачнымъ крыломъ тихихъ водъ.

Съ далекаго неба лился золотой потокъ, лаская воды шаловливой рѣчушки, что были собраны изъ грустныхъ слезъ... неба и земли.

Сѣдовласый Хронось тянулъ безконечную ленту времени. Погружались вѣка въ нѣдра сѣдой вѣчности. Рѣка пѣла свою пѣсню, то звенящую задорнымъ весельемъ, то тихими слезами . . .

Шаловливая рѣчушка крѣпла.

Она пробѣгала дубравы съ молодымъ шумомъ. Многоводная отъ звенящихъ вешнихъ водъ, что собирались по одной каплѣ на вершинахъ горъ и холодными струями стекались въ долины, — широкою, окрѣпшею грудью она прокладывала себѣ дорогу.

Она скакала, пѣнясь и бурля, по камнямъ, загородившимъ ей дорогу, и, заливаясь молодымъ смѣхомъ, стремилась къ далекому, голубому морю, къ вѣчному простору, къ свободѣ, о которой пѣлъ ей попутный вѣтеръ.

Ея веселый шумъ несся въ небесную высь, казалось, будилъ далекія, дремлющія звѣзды.

Рѣка шумѣла . . .

Когда впервые кощунственная рука человѣка вздумала остановить веселый бѣгъ рѣки и коснулась молодыхъ водъ, желая создать преграду, рѣка злобно зашипѣла, обдавъ нарушителя ея смѣлаго, свободнаго бѣга сердитыми брызгами.

— Прочь! Шире дорогу — прозвенѣлъ негодующій крикъ.

Но дерзкій человѣкъ не смутился.

Имъ были брошены въ шумящія молодыя воды груды острыхъ камней. Съ тяжкимъ стономъ въ воду ложились великаны-дубы, гордые, сильные, погибшіе отъ остраго топора, загромождавшіе теперь путь свободныхъ водъ, что съ пѣснею звонкою стремились къ далекому морю.

Гордыя волны вольной рѣки дышали гнѣвомъ.

Много злыхъ человѣческихъ рукъ работало надъ тѣмъ, чтобы отвести русло рѣки въ сторону.

Нарушенъ былъ свободный бѣгъ.

Много прозрачной воды всосали въ себя сыпучіе пески. Рѣка ослабла, отшумѣла, успокоилась, задержанная въ своемъ молодомъ побѣгѣ искуственными плотинами.

Скованъ былъ великій духъ.

Порой въ полуоткрытыя шлюзы пускали слабый потокъ воды, приводившій въ движеніе мельницу.

Злые люди смѣялись надъ юною плѣнницею и держали ея нерастраченныя силы въ своихъ хищническихъ рукахъ, ими распоряжались . . .

Зеленые узоры тины, широкіе листья водяныхъ лилій покрыли поверхность присмирѣвшихъ, серебристыхъ водъ. Среди желтыхъ кувшинокъ несся болотный запахъ. Тина придавливала веселую, задорную рѣку.

Молодой свободный вѣтеръ, бывало, налетитъ и гонитъ маленькую волну по стоячей водѣ . . . Заволнуется уснувшая рѣка, бурлитъ . . . Но не перебросить ей черезъ плотину застоявшуюся воду . . .

И она опять смиряется . . .

Спитъ она . . . безстрастная, неподвижная.

Грустили прибрежные клены, тянувшіеся изъ тьмы усталой земли своею листвою . . . Всгрустнули печальныя рябины, въ вѣтвяхъ которыхъ застыли, точно кровавыя, слезы . . .

И златокудрый лѣсъ печальною осенью шумѣлъ свою тоскливую пѣсню.

Бѣлыя, робкія тучки, точно скованныя изъ тонкаго серебра, что по безбрежному небу гуляли, сплотились въ грозныя громады и роняли свои холодныя слезы.

Весна пришла...

Побѣжали задорныя вешнія воды, вливаясь свѣжащими струями въ уснувшую рѣку, приносили ей новую силу, будили ея молодость. Спѣшила эта молодая рать, полная горячности. Жемчужными слезами падала раннимъ утромъ молодая роса и новыми каплями молодости тоже будила плѣнницу-рѣку.

Она вздохнула больною, пришибленною грудью и, проклиная томительную неволю, рванулась впередъ.

Звала загадочная, милая даль голубаго моря, звали птицы свободныя, что въ поднебесьи стрѣлою пролетаютъ, купаясь въ золотомъ морѣ солнца.

Плѣнница билась... высоко подымалась надъ плотиною.

Она видѣла, что тамъ уже текло много серебряныхъ свободныхъ рѣкъ, стремясь къ общей цѣли: къ шумному, близкому уже морю.

Весеннее половодье безъ конца посылало новую силу и... дрогнули, наконецъ, дерзкія преграды плотинъ, стерегшія уснувшую рѣку и пропускавшія до тѣхъ поръ только тонкія, безсильныя струйки присмирѣвшихъ водъ.

Радостно, съ звенящимъ смѣхомъ побѣды, бѣжитъ рѣка.

Плотина прорвана. . .

Нѣтъ больше преградъ, страстному, шумному бѣгу освобожденныхъ водъ.

Рѣка шумитъ...

Солнце шлетъ свой золотой привѣтъ...

Шумятъ зеленыя дубравы: впередъ! къ лазурному простору морей, гдѣ тревожно дышутъ прозрачныя волны и попутный вѣтеръ зоветъ въ царство солнца и тепла.

Рѣка шумитъ...

Дрогнули отъ напора веселыхъ водъ угрюмые берега, тѣснившіе молодую грудь рѣки.

Меркнутъ послѣднія тусклыя будни.

Рѣка шумитъ и смѣлый языкъ ея полонъ молодаго задора.

Ея пѣснь, прозрачная, звенящая—могучій гимнъ грядущей свободѣ, тамъ... среди безбрежности свободныхъ морей, не знающихъ ни рабства, ни цѣпей...

А. С. Суворинъ-старый сводникъ (см. брачныя объявленія „Новаго Времени“).

Въ царствѣ тѣней.

Мрачное царство тѣней. Зловѣщій красный свѣтъ окутываетъ всѣ предметы. Духи бѣшено носятся надъ бездной. Бьетъ полночь.

Выходитъ тѣнь Витте и грустно напѣваетъ: „Когда бъ я зналъ, напрасно жизни силу, напрасно бы я время не терялъ“... Появляется конституція и съ укоромъ обращается къ Витте: „Меня вы такъ ласкали, въ любви клялися мнѣ“. Витте смущенно краснѣетъ, опускаетъ глаза и шепчетъ: „Не говори, что молодость сгубила“... Черезъ минуту оправляется отъ смущенія и... ѣдетъ въ засѣданіе Совѣта. Раздаются пулеметные выстрѣлы, воздухъ наполняется дымомъ... и изъ тумана выплываетъ силуэтъ Трепова.

Слышится мрачный напѣвъ: „Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни“... Передъ очами генералъ-губернатора проносится его прежняя должность, смѣясь и кокетничая. Треповъ простираетъ къ ней руки и восклицаетъ: „О еслибъ ты ко мнѣ вернулась снова, гдѣ были мы такъ счастливы съ тобой“... Въ это время видитъ пулеметъ съ надписью—„не жалѣть патроновъ“ и съ паѳосомъ восклицаетъ: „Тебя я, вольный сынъ эфира, возьму въ надзвѣздные края“... Озираясь по сторонамъ выходитъ Дурново, замѣчаетъ Трепова и поетъ: „Разстались мы, но твой портретъ я на груди своей храню“. Треповъ его успокаиваетъ. Дурново плачетъ. Треповъ поетъ: „Не плачь, дитя, не плачь напрасно“... и затѣмъ гордо декламируетъ: „Нѣтъ весь я не умру, душа въ завѣтной лирѣ мой страхъ, переживетъ и тлѣнья убѣжитъ... и долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что чувства „добрыя“ нагайкой пробуждалъ“.., Выходитъ Дубасовъ, скрещиваетъ руки на груди à la Наполеонъ I и *изрекаетъ*: „*Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ, едва надежда разцвѣтетъ, я тотъ, кого никто не любитъ и все живущее клянетъ!*.. Доносятся звуки пушечной канонады изъ Москвы: Дубасовъ съ восторгомъ поясняетъ: „*Вамъ не видать такихъ сраженій, носились знамена какъ тѣни, въ дыму огонь блестѣлъ, звучалъ булатъ. картечь визжала,* рука бойцовъ колоть устала и ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ.

Выплываетъ тѣнь Дедюлина. Грозно размахивая руками тѣнь кричитъ надрывающимся голосомъ: „*Такъ раскаются жъ нахалы, объявить ихъ* приставамъ, чтобы ружья и кинжалы всѣ несли къ моимъ ногамъ... Начинаются повальные обыски при помощи дворниковъ и швейцаровъ. Вылетаетъ городская дума и беззаботно щебечетъ: „*Я цыганка, мало дѣла мнѣ до горя и заботъ*“...

Въ густомъ туманѣ проносится черная сотня подъ начальствомъ адвоката Шмакова съ пѣніемъ: „Впередъ безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный, друзья“... Выходитъ проф. Мартенсъ въ костюмѣ добровольца—почтальона и, оправляя почтовую сумку, поетъ: „Выхожу одинъ я на дорогу“.

Выбѣгаетъ приставъ Значковскій и устремляется къ Хрусталеву: „Прости, небесное созданье, что я нарушилъ твой покой“. Хрусталевъ, сжимая кулаки: „Не подходи... я не могу владѣть собою“... Выходитъ Стессель, ободранный, и собираетъ мылостыню, причемъ поетъ: „У вратъ обители святой стоялъ просящій подаянья“. Затѣмъ лихорадочно составляетъ телеграммы въ Петербургъ о сдачѣ Портъ-Артура: „Я Вамъ пишу, чего жъ Вамъ болѣ, что я могу еще сказать“? И дѣйствительно сказать больше нечего.

Выходитъ „свобода“ и „Государственная Дума“. Первая съ укоромъ обращается ко второй: „*Ты помнишь ли,* что обѣщала“?.. Дума нетерпѣливо отмахивается: „*Не искушай* меня безъ нужды“.

Пріѣзжаетъ Витте изъ засѣданіе Совѣта уже въ болѣе опредѣленномъ настроеніи и замѣтивъ „свободу“, съ ироніей замѣчаетъ: „Ты *пойди,* моя коровушка, домой“.

Взбѣшенная свобода съ гнѣвомъ отвѣтствуетъ: „Ахъ ты, комаринскій мужикъ“... Подымается сильный вихрь... Треповъ и Витте падаютъ, всѣ корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ... „Свобода“ поднимается на пьедесталъ, облитая волшебнымъ свѣтомъ, затѣмъ покидая царство тѣней, устремляется на землю

Дума и Государственный Совѣтъ.

У насъ теперь не мало шума
Среди эсъ-эровъ и ка-детъ:
Переполошила всѣхъ Дума
И Государственный Совѣтъ.

Нашъ гражданинъ глядитъ угрюмо:
Пяти свободъ простылъ и слѣдъ,
А впереди... мелькаетъ Дума
И Государственный Совѣтъ.

Расходовъ кругленькая сумма,
Пополнить не съ чего бюджетъ...
А тутъ еще въ проектѣ Дума
И Государственный Совѣтъ.

День смотритъ хмуро и угрюмо...
Народъ усталъ отъ вѣчныхъ бѣдъ...
Что принесетъ съ собою Дума
И Государственный Совѣтъ?!

Кума всегда радѣетъ куму
Съ тѣхъ поръ, какъ созданъ
бѣлый свѣтъ...
Такъ породнятся, вѣрно, Дума
И Государственный Совѣтъ.

Кадеты побѣдили!

Смущали „правые“ народъ,
Въ глаза пускали много пыли...
Но неудаченъ былъ походъ,
И все-жъ... ка-деты побѣдили.

* * *

Всѣхъ „русскихъ—истинно людей“
Здѣсь по заслугамъ оцѣнили;
Но какъ ни жалко сихъ мужей,
А все-жъ... ка-деты побѣдили.

* * *

Хоть агитацію велъ „блокъ“,
Хоть „лѣвыхъ“—„правые“ честили,
Но заступился видно Богъ,
И все-жъ... ка-деты побѣдили.

* * *

Хоть полицейскіе чины
Всѣмъ сердцемъ „правыхъ“ полюбили,
Но голоса перечтены,
И все-жъ... ка-деты побѣдили.

* * *

Мечталъ всё въ Думу „блокъ“ попасть,
Вездѣ „порядокъ“ наводили,
Надъ всѣмъ забрать хотѣли власть,
И вдругъ... ка-деты побѣдили.

* * *

Вздохнулъ свободно весь народъ,
Онъ радъ, что „правыхъ“ провалили,
И что противниковъ свободъ
Ка-деты дружно побѣдили.

* * *

Дай Богъ, чтобъ этотъ-же успѣхъ
Ка-деты въ Думѣ сохранили,
И чтобъ и тамъ на радость всѣхъ
Ка-деты „правыхъ“ побѣдили.

Новая погудка на старый ладъ.

Какъ нашъ „первый министръ“
Былъ сначала рѣчистъ
Звонко.

Всѣ „свободы“ сулилъ
И всѣхъ за носъ водилъ
Тонко.

А до дѣла дошло —
Тутъ иное пошло
„Дѣло“.

„Что? Бунтарятъ!?—Такъ драть
„Выслать цѣлую рать
„Смѣло“.

„Какъ Россію спасти
„И жизнь въ русло ввести
„Твердо“ —

„То мой личный секретъ
„И гляжу на весь свѣтъ
„Гордо“.

„Коль „свободы“ нужны —
„Пусть цѣною спины
„Купятъ.“

Въ ходъ пошелъ пулеметъ
И „свободный“ народъ
Лупятъ.

Въ результатѣ—прогрессъ
Обратился въ регрессъ.
Вѣрно.

Такъ придется опять
Съ «Буки-Азъ» начинать.
Скверно.

И стоитъ на Руси
Стонъ: „Скорѣй насъ спаси
„Боже,

„Отъ премьеровъ лихихъ
„И министровъ плохихъ
„Тоже“.

„Дѣловой“ комитетъ правительственнаго органа „Русское Государство“ назначилъ крупную премію тому, кто разрѣшитъ, наконецъ, вопросъ объ установленной великороссійской формѣ правленія. Кромѣ того, открывается подписка для образованія солидной преміи тому изъ членовъ кабинета или представителю высшей мѣстной администраціи, который удовлетворительнымъ образомъ отвѣтитъ на вопросъ: что такое противоправительственная пропаганда, если само правительство является своего рода неизвѣстной величиной?

Разбитыя грезы.

Прошли октябрьскіе дни,
Дни обновленія, дни свѣта...
Угасли красные огни...
И снова сумерки одни...
И снова мракомъ жизнь одѣта.
Угасла свѣтлая заря
Исчезли дни очарованья,
И отъ священнаго огня
Въ душѣ осталось у меня
Лишь жалкое воспоминанье...
Тамъ, гдѣ взошла заря свободъ,
Теперь все сумракомъ покрыто;
Отъ всѣхъ репрессій и невзгодъ
Поникъ главою тамъ народъ,
Въ немъ все хорошее убито...
Тамъ жизнь замолкла, вся страна.
Безмолвнымъ ужасомъ объята;
Отъ свѣта вновь отрѣшена,
Она на мракъ обречена
И къ счастью ищетъ вновь возврата!
Тамъ революція въ борьбу
Съ слѣпой реакціей вступила...
И мы услышали пальбу...
И Русь горячую мольбу
Къ престолу Бога устремила,
Тамъ росъ курганъ, тамъ смерть жила,
Тамъ гибли молодыя силы,
И много крови пролила
Тамъ Русь надъ братскою могилой.
Тамъ молодой рубили лѣсъ
И лѣсъ стоналъ подъ злымъ ударомъ.
Съ мольбой взирая въ даль небесъ,
Онъ тщетно ожидалъ чудесъ,
Объятый юношескимъ жаромъ.

Треповъ и Дума.

Разговариваютъ два „свободныхъ“ гражданина: „Слышалъ, — спрашиваетъ первый, Треповъ посланъ въ Берлинъ для изученія функцій Германскаго парламента въ интересахъ будущей Государственной Думы?“

— Ну такъ что же?

— Да то, что можетъ выйти скверная штука. Зная „боевыя способности“ этого генерала и безчеловѣчность германскихъ законовъ, — можно надѣяться, что наша Дума, съ помощью г. Трепова, превратится въ Петропавловскую крѣпость съ пушками и пулеметами. Пожалуй и здѣсь не станутъ жалѣть патроновъ! Тогда навѣрняка всѣ выборщики откажутся отъ своихъ избирательныхъ правъ и въ Думу ихъ уже калачемъ не заманишь.

Смерть орла.

Безплодное, пустое поле...
Кругомъ холмы...
Тамъ счастья нѣтъ, тамъ плачъ и горе...
Тамъ царство тьмы.

* * *

Мелькаютъ ветхія лачуги
Окрестныхъ селъ...
Надъ царствомъ бурь зловѣщей вьюги
Паритъ орелъ.

* * *

Онъ гордо распускаетъ крылья...
Онъ гимнъ поетъ...
И отъ Сибири до Севильи
Та пѣснь идетъ...

* * *

Онъ—царь всѣхъ птицъ и смѣлъ, увѣренъ
Его полетъ;
Свободѣ былъ всегда онъ вѣренъ,
Ей гимнъ поетъ.

* * *

Та пѣсня дивная несется
И будитъ міръ;
Въ отвѣтъ ей страстно раздается:
„Ты нашъ кумиръ".

* * *

Орелъ же зоркими очами
Все въ даль глядитъ...
А вьюга съ хладными ночами
Печаль сулитъ.

* * *

Вдругъ... слышенъ залпъ, и выбѣгаетъ
Охотникъ злой...
А кровь орла степь обагряетъ...
Течетъ рѣкой.

Мелочи.

— Почему не функціонируютъ университеты?

— Потому что въ нихъ не осталось ни одного лектора, т. к. всѣхъ профессоровъ правительство отправило въ Архангельскую губернію.

— Для какой же цѣли?

— А, вѣроятно, правительство начинаетъ заботиться о просвѣщеніи эскимосовъ.

Лебединая пѣсня.

Тяжелая, мучительно длящаяся ночь... Сырой холодный подвалъ, съ узенькой заржавленной рѣшеткой . . . охрана у дверей... грубый голосъ жандармовъ... мрачныя тюремныя стѣны... На нѣкоторое время воцаряется мертвая леденящая душу, тишина... Только глухіе звуки церковнаго колокола изрѣдка нарушаютъ эту мучительную тишину, болѣзненно отзываясь въ душѣ молодого узника... Но вотъ звонъ колоколовъ все учащается... все торжественнѣе и сильнѣе звучатъ мѣдные, пудовые языки, призывающіе въ храмъ христіанина для ранней утренней молитвы... Звуки рыдаютъ и несутся, перегоняя другъ друга... Что-то мучительно — тяжелое подступаетъ къ сердцу узника... на изсохшіе глаза навертываются непривычныя слезы, и онъ глухо и безутѣшно рыдаетъ, конвульсивно ломая руки и скорбно взирая на необозримое облачное небо, гдѣ за густыми облаками пребываетъ Тотъ, Кто далъ ему эту безправную, жалкую жизнь, полную горя и столькихъ оскорбленій... И съ устъ узника срывается горькій упрекъ: „Зачѣмъ, зачѣмъ, Боже, Ты посылаешь мнѣ такое невыносимо тяжелое испытаніе... Чѣмъ могъ я заслужить столь горестный удѣлъ на землѣ... Я жилъ для народа... Я отдалъ ему себя, свою душу... я принесъ ему въ жертву свою семью... Я боролся за народныя права, за свободную жизнь... Я отстаивалъ не свои интересы... Мнѣ больно было видѣть, какъ жилъ мой народъ, дорогой моему сердцу... Я требовалъ только справедливости... И вотъ меня казнятъ... За что же, за что же, Господи?... И снова глухія, надрывающія душу рыданія оглашаютъ тѣсную, холодную каморку, лишенную доступа свѣта и воздуха... А звуки колокола растутъ... пріобрѣтаютъ какую-то невѣдомую мощь..... и трепетъ охватываетъ молодого узника... Онъ вспоминаетъ, что теперь великіе дни, дни покаянія и поста... дни страданій и смерти Спасителя... принесшаго себя въ жертву ради спасенія людей... Передъ глазами узника возстаетъ тяжелая картина казни Христа, Его распятія на Голгоѳѣ. И ему становится стыдно за свой молодушный порывъ, за свой упрекъ Богу... „Я шелъ на то, чтобы отдать народу свою жизнь для его блага . . . Чего же я ропщу на Бога?... Я напротивъ долженъ благодарить Его за то, что Онъ помогъ мнѣ достичь хотя нѣкоторыхъ результатовъ... Сѣмя уже брошено въ землю... главная задача выполнена... О чемъ жалѣть?... Пусть молодое новое поколѣніе продолжаетъ нашу трудную, но славную работу . . . пусть... распространяетъ сѣмена, заложенныя нами въ землю" . .

Надежда на свѣтлое будущее своего народа преображетъ узника... На блѣдномъ, изможденномъ страданіями лицѣ появляется свѣтлая, дѣтски-радостная улыбка... Узникъ съ упованіемъ взираетъ на небо и лихорадочно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, устремляя горячую мольбу къ престолу Всевышняго за свою многострадальную родину... А звуки колокола льются и льются . . . Странное, жуткое впечатлѣніе оставляютъ они въ душѣ узника... Они навѣваютъ на его душу безотчетное, тяжелое, мучительное чувство... разбиваютъ всѣ его грезы . . . Такъ и теперь . . . свѣтлую надежду смѣнилъ невольный ужасъ передъ предстоящей казнью . . . Картина казни ярко вставала передъ глазами заключеннаго со всей ея мучительной обстановкой,... томительными паузами... прощаніемъ съ товарищами, любившими его до безумія... Но этотъ ужасъ былъ мимолетный... Онъ безотчетно овладѣвалъ душой узника лишь въ минуту упадка силъ и воли.. Узникъ сразу подавлялъ его, и смѣло спокойно готовился къ позорной смерти... Гораздо тяжелѣе для него было то, что его считаютъ врагомъ народа, желающимъ его гибели... того народа, котораго онъ боготворилъ, которымъ дышалъ и среди котораго выросъ . . .

Но природный умъ помогъ и здѣсь... Онъ подсказалъ ему, что лишь нѣкоторые ограниченные люди могутъ считать его врагомъ родины, но не народъ, который онъ зналъ лучше себя самого... Мысли узника снова начали принимать радостное направленіе... но снова загудѣли церковные колокола, изъ тюремной церкви полились торжественные похоронные звуки, и узникъ опять сдѣлался мраченъ... „Великій постъ", шепталъ онъ. „День воскресенія" близокъ. „Вѣдь — это, какъ Христа", пронеслось въ его разгоряченномъ мозгу... и, опустившись на колѣни, узникъ сталъ горячо молиться. А колокола заливались и гудѣли, плакали и угрожали... угрожали и плакали . . .

* * *

— Вы попали въ выборщики?

— Что за наивный вопросъ! Понятно не попалъ, если Вы меня видите еще на свободѣ.

Все у насъ наоборотъ.

Заграницей процвѣтаетъ
Храмъ науки круглый годъ,
Школы тамъ не закрываютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей каждый знаетъ.
Что его въ грядущемъ ждетъ
Тамъ „сюрпризовъ“ не бываетъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, коль желаютъ
Дѣлу дать законный ходъ,
То въ „кресты“ тамъ не сажаютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей всякъ свободу
Для печати признаетъ.
Тамъ концы не прячутъ въ воду . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, тамъ умѣютъ
Словомъ сдерживать народъ
И „патроны“ тамъ „жалѣютъ“ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей запасаютъ
Ружья, пушки, пулеметъ.
Но въ своихъ тамъ не стрѣляютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей охраняютъ
Свой народъ отъ всѣхъ невзгодъ
Личность тамъ не подавляютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, тамъ Ѳемида
Получила вѣрный ходъ;
Правда тамъ — не есть обида . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, какъ всѣ знаютъ,
Мирно, ровно жизнь течетъ,
Тамъ разстрѣловъ не бываетъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей не бываетъ,
Смертной казни круглый годъ;
Тамъ законъ не попираютъ,
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, коль желаютъ
Дать народу пять свободъ,
То назадъ не отнимаютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, коль случится,
Что министръ украдетъ,
То поста онъ вмигъ лишится . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей вмѣсто Думы
Взялъ парламентъ тамъ народъ
Все устроилось безъ шума
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, тамъ умѣло
Производится расходъ
Деньги тамъ идутъ *на дѣло* . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей собираться
Разрѣшаютъ безъ хлопотъ.
Тамъ собраній не боятся . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей не умѣютъ
Надувать честной народъ
Стыдъ и совѣсть тамъ имѣютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

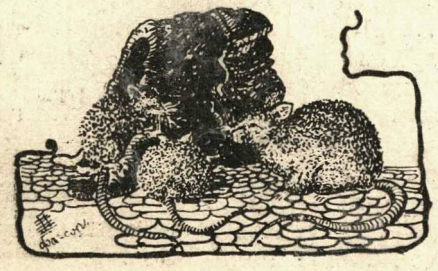
* * *

Заграницей понимаютъ,
Что народъ идетъ впередъ
И репрессій избѣгаютъ . . .
А у насъ — наоборотъ.

* * *

Заграницей, тамъ правленья
Форму знаетъ весь народъ
Не бываетъ тутъ сомнѣнья . . .
А у насъ — наоборотъ.

Ходятъ слухи, что высшія учебныя заведенія скоро откроются. За отсутствіемъ профессоровъ, выбывшихъ въ Архангельскую губернію, профессорскія обязанности предполагается возложить на чиновниковъ департамента полиціи. Правительство думаетъ сразу убить двухъ зайцевъ, т. к. охранники одновременно будутъ исполнять и профессорскія обязанности и педелей. Кромѣ того наиболѣе талантливые изъ нихъ будутъ заниматься провокаторствомъ на студенческихъ сходкахъ и митингахъ, которые не замедлятъ начаться съ открытіемъ университетовъ.



Разсуждалъ отецъ смиренный
Съ нѣкимъ грѣшникомъ печати:
— „Во свободѣ вашей тлѣнной
Я не вижу благодати..
То не лѣстница на небо,
Для заблудшаго народа.
„Все о плотскомъ, все о хлѣбѣ...
Суета ваша свобода!“
— Правда отче, „суетныя“
Все она дѣянья будитъ...
Лѣзть въ „отцы“ по ней „святые“
Признаюсь трудненько будетъ!

Свобода
редакція

„Противуправительственная пропаганда“.

Мнѣ снился очень страшный сонъ:
Стоялъ я на одной трибунѣ,
Передо мною былъ Гапонъ. . .
(Сему обязанъ я фортунѣ).

То митингъ былъ купцовъ, воровъ. . .
(Избави Богъ отъ сихъ напастей)
Я видѣлъ море лишь головъ,..
А за спиной стояли „власти“.

И вотъ одинъ изъ сихъ властей
Ко мнѣ внезапно обратился
И сталъ „просить“, чтобъ для „гостей“
Я рѣчь сказать теперь рѣшился.

— „Скажите имъ благую рѣчь,
А то поступимъ по закону,
Какъ намъ диктуетъ долгъ и честь,
Мы запасли ужъ и „вагоны“.

Съ дрожаньемъ въ голосѣ я имъ
Повѣствованье начинаю:
“Настало время намъ самимъ
Забрать свободы въ русскомъ краѣ.
Мы царство свѣта создадимъ
На прахѣ старенькаго строя...
— „Довольно!.. Мы вамъ запретимъ...
Смущать народъ, болтать пустое...
Вы призываете народъ
И къ разрушенію и къ бунту.
Но это такъ вамъ не пройдетъ,
Ужъ же товарищъ ли вы Бунд'у.?
Вы говорите, старый строй
У насъ теперь весь развалился,
Но коль не умеръ гордовой,
То прежній строй не позабылся“...
— „Позвольте мнѣ, я имъ шепчу,
Сказать собранью рѣчь иную“.
И ужъ къ трибунѣ я лечу
И говорю имъ рѣчь такую:
„О православный, нашъ народъ.
„Во всемъ вы слушайте начальство;
„Вѣдь не добиться вамъ свобод,
„Какъ не добиться генеральства...
„Къ чему же тщетно разсуждать,
„Мечтать, надѣяться и вѣрить,
„Пора давно бы вамъ понять,
„Что смысла мало лицемѣрить“!..
Вдругъ грозный окликъ:—„Вы опять
„Противъ властей народъ ведете,
„Совѣтъ даете всѣмъ молчать...
„Теперь себя вы не спасете...
„Вѣдь населеніе пойдетъ
„Къ законодательной работѣ,
„А ваша рѣчь ихъ наведетъ
На мысль о Думѣ, о бойкотѣ...
Вы насъ подводите ей-ей,
Вы манифестъ не признаете
Вы развращаете людей. . .
За то въ Сибири вы сгніете...
Тутъ понялъ я, что ни къ чему
Рѣшился рѣчь сказать народу
И что буквально никому
Не разгадать „нашу свободу“.

Возвращеніе „воеводы“.

(Къ поѣздкѣ въ Петербургъ губернаторовъ Курлова и Нейдгарта).

Въ роскошномъ нарядѣ, на статномъ конѣ,
Съ мечемъ и со стягомъ побѣднымъ въ рукѣ,
Украшенный шишкой на славной войнѣ,
Въ столицу грядетъ воевода.
Не мало красавицъ забралъ онъ въ полонъ.
Но что-жъ воевода такъ сильно смущенъ?
Его не встрѣчаетъ торжественный звонъ,
И криковъ не слышно народа.
— „Послушай, бояринъ, какъ только придетъ
Меня поздравлять непокорный народъ,
Ты тотчасъ сведи съ либералами счетъ...
Пусть знаютъ, что значитъ свобода.
Пусть знаютъ, какъ нужно героевъ встрѣчать
И славную, храбрую, вѣрную рать.
Вели ихъ тотчасъ черезъ пятаго драть!
Помощнику рекъ воевода“.
А въ городѣ въ страхѣ метался народъ:
— „Бѣда, воевода въ столицу грядетъ,
Свершивъ безпримѣрный, жестокій походъ,
И хочетъ отъ насъ поздравленья.
Но дудки, пускай хоть два года прождетъ;
Пускай онъ хоть лопнетъ иль просто умретъ,
Ему нашъ народъ развѣ шишъ поднесетъ
Въ награду за всѣ преступленья“.
Ужъ вечеръ къ закату свѣтило манитъ...
Въ столицѣ безмолвіе мрачно царитъ,
Ужъ часъ у заставы „воитель“ стоитъ,
Трубачъ протрубилъ троекратно.
Сердитъ гореверженъ. Но крѣпкихъ воротъ
Не хочетъ открыть непокорный народъ.
Икнувъ, воевода разинулъ свой ротъ...
И молча поѣхалъ обратно.

„Во полѣ березынька стояла“.

(Русская пѣсня XX вѣка).

Во полѣ березынька стояла,
Горькими слезами плакала, рыдала:
„Господи, за что мнѣ, бѣдной, въ наказанье
Ты послалъ нежданно это испытанье?
Прежде мною драли малыхъ ребятишекъ,
Глупыхъ, неразумныхъ, баловныхъ мальчишекъ,
Мужичковъ же нашихъ если и пороли
Такъ для „вразумленья“, вовсе не для боли,
А какъ всѣ „свободы“ людямъ даровали,
Съ той поры покою мнѣ ужъ не давали:
Драли идеально, всѣхъ, кого попало,
И по чьимъ я спинамъ только не гуляла...
Драли всѣхъ огуломъ, лихо, безъ разбора,..
Въ вѣкъ не позабыть мнѣ этого позора.
Выслушай же, Боже, Ты мое моленье,
Сдѣлай Ты министрамъ должное внушенье:
Что въ лѣсу берёзы не за тѣмъ создали,
Чтобъ народъ христьянскій за „свободу“ драли.

Изъ правящихъ сферъ.

Всѣ слухи о томъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ у П. Н. Дурново состоится балъ, лишены всякаго основанія.

Балъ состоится только послѣ вторичнаго взятія приступомъ Москвы и разстрѣла какого нибудь выдающагося гражданина.

* * *

Всѣ слухи о томъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни являются преувеличенными.

Пока что, ради осуществленія „незыблемыхъ“ гражданскихъ свободъ, рѣшено повѣшеніе замѣнить разстрѣломъ.

* * *

Мы уполномочены опровергнуть слухъ, якобы И. И. Шиповъ ѣздилъ къ хироманту, желая узнать, будутъ ли когда нибудь въ министерствѣ финансовъ деньги?

Министръ Шиповъ ѣздилъ только къ г. Мендельсону... и денегъ не получилъ.

* * *

Въ виду того, что появились обоснованныя опроверженія на „опроверженія“ „Русскаго Государства“, рѣшено уменьшить бутербротное довольство и сбавить съ 9 на 6 тысячъ.

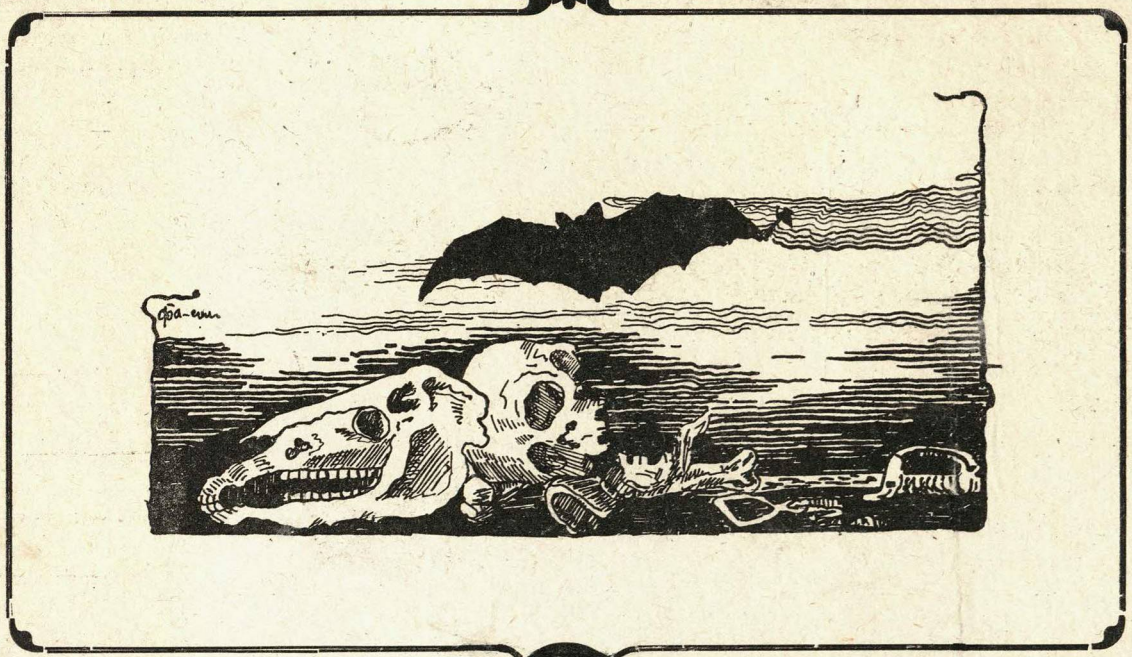
* * *

Когда на дняхъ адм. Дубасову предложили командованіе флотомъ (какимъ и гдѣ?! У насъ покрайней мѣрѣ его нѣтъ. Прим. ред.), то онъ отвѣтилъ:

— Я все равно сяду на мель, такъ какъ я привыкъ ходить по сушѣ.

Подслушавшій это вольный гражданинъ, отвѣтилъ:

— Случалось однако, что и на сушѣ вы плавали въ человѣческой крови.



Споръ.

Какъ то разъ передъ толпою
Властныхъ „рамоли“
Два министра межъ собою
Распрю завели.

„Берегись“, — сказалъ премьеру
Старый бюрократъ, —
„Безпрограмностью — карьеру
„Ты погубишь, братъ“.

„Посмотри: тебя ругаютъ
„Всѣ на перебой;
„Всѣ тебя лишь укоряютъ
„Въ участи плохой“.

„Ты виновникъ бѣдствій Руси! —
„Это общій гласъ. —
„И погибнешь, если струся
„Не сбѣжишь отъ насъ“.

„Не боюсь совсѣмъ народа“,
Отвѣчалъ премьеръ:
„Эта дикая порода
„Глупа не въ примѣръ“

„Пусть меня теперь ругаютъ
„Пусть сильнѣй костятъ:
Вѣдь и сами то не знаютъ,
„Что они хотятъ!“

„Посмотри: кто правый, лѣвый,
„Въ центрѣ“ демократъ?
„Это людъ все ошалѣлый, —
„Не боюсь ихъ, братъ!

„Всѣ кричатъ свое — а много
„Этимъ не возьмутъ,
„И лишь къ счастію дорогу
„Накрѣпко запрутъ“.

„Всѣ кричатъ въ экстазѣ дикомъ,
Лишь себя цѣня, —
Нѣтъ не этимъ, братъ, антикамъ
Одолѣть меня“.

„Не хвались еще заранѣ“,
Молвилъ бюрократъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ,
Что-то видно, братъ!“

„Даже П. П. П. устали
Отъ репрессій всѣхъ...
Такъ что Дума намъ едва-ли
Принесетъ успѣхъ“.

И премьеръ на сѣверъ дальній
Взоръ свой устремилъ:
Слышитъ хоръ онъ погребальный,
Видитъ... рядъ могилъ.

Тѣни мрачныя выходятъ
Изъ своихъ гробовъ
И уныло, тихо бродятъ
У могилъ отцовъ.

Доски сгнившія приносятъ
Строютъ „гробъ“ ему
И со смѣхомъ преподносятъ:
„Витте, voulez-vous ?“

И отъ страха у премьера
Отнялся языкъ;
Графъ забылъ и ложь и „вѣру“
И... главой поникъ.

„Я ЗНАЮ, КАКЪ СПАСТИ РОССІЮ“.

Гдѣ-то, когда-то, окончилась внѣшняя и началась внутренняя война. Въ самый разгаръ этой внутренней войны слышится голосъ сіятельнаго главнокомандующаго...

Я знаю какъ спасти Россію!..

Подъ лучами весенняго солнца таетъ снѣгъ и изъ подъ него начинаетъ выступать еще не запекшаяся, оставшаяся съ осени, кровь. Она смѣшивается съ журчащими ручейками. Въ ихъ журчаньи мнѣ слышится зловѣщій шопотъ:

Я знаю какъ спасти Россію!..

По улицамъ шумнаго города идетъ толпа. На встрѣчу ей ряды сѣрыхъ шинелей. Ровной линіей сверкаютъ штыки. Сталь часто покрывается полоской дыма. Пороховой дымъ прорѣзывается огоньками, и толпа со стономъ рѣдѣетъ. Свѣжая кровь мѣшается со старой... Предсмертныя стенанья раненыхъ заглушаются новыми залпами. Эти залпы, какъ бы говорятъ:

Я знаю какъ спасти Россію!..

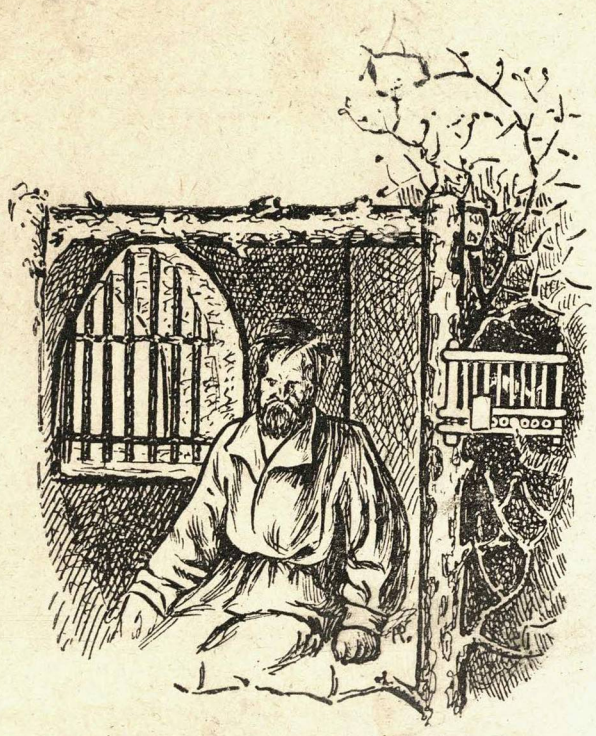
Еще залпъ. Меня что-то обожгло въ грудь и я упалъ на окровавленную землю. Въ глазахъ потемнѣло. Чей-то голосъ дико захохоталъ:

Я знаю, какъ спасти Россію!..

А мнѣ захотѣлось крикнуть:

Я знаю отчего гибнетъ Россія!!!

Въ виду участившихся случаевъ разбойничьяго нападенія на сберегательныя кассы и государственные банки, чиновники госуд. банка отнынѣ формируются въ пѣшую артиллерію. Предполагается ассигновать на вооруженіе кассировъ, конторщиковъ и прочихъ банковыхъ служащихъ весьма солидную сумму. Служащимъ будетъ выдано огнестрѣльное и холодное оружіе въ видѣ револьверовъ Браунинга, пулеметовъ, пушекъ и казацкихъ нагаекъ. Мѣстомъ обученія стрѣльбѣ и „фехтованію“ явится городъ Москва, гдѣ имѣется масса „подвижныхъ“ мишеней. Генералиссимусомъ всей этой сухопутной артиллеріи называютъ адмирала Дубасова, нынѣ „обрѣтающагося не у дѣлъ.“



Не для меня придетъ весна.

Контрасты.

Старыя сани... Лошадка убогая...
Гробъ развалившійся... Небо сѣдое...
Грустныя лица... Дорога отлогая...
Темная яма... Кладбище сырое...

* * *

Пьяная оргія... Музыки звуки...
Рѣчи французскія... Хохотъ... Лобзанія
Плечи открытыя... Голыя руки...
Запахъ вина и восторгъ ликованія...

* * *

Мрачныя стѣны... Вездѣ часовые...
Грязная камера... Нары скрипучія...
Лица суровыя... Пушки стальныя...
Вопли страданія... Слезы горючія...

* * *

Поле безплодное... Небо дождливое
Плачъ ребятишекъ... Нужда нестерпимая,
Мысли тяжелыя... Рѣчи сварливыя,
Слезы и слезы и пѣсня любимая.

* * *

Между дамами.

— Что это вы душечка, Нина Александровна, вся въ слезахъ?

— Ой, пропалъ мой бѣдный Амишка, пропала моя несчастная собачка...

— Да что съ ней?

— Рабочіе моего мужа выбрали ее въ выборщики, теперь ужъ не сдобровать моему бѣдному Амишкѣ.

Объявленіе.

Конфискованный № 1 „Журнала“ въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, по истеченіи полугодовалаго срока со дня его выпуска, на-дняхъ выходитъ въ свѣтъ и поступаетъ въ „негласную“ продажу. Желающіе пріобрѣсти вышеозначенный нумеръ журнала благоволятъ обращаться на квартиру пристава 0-го участка N—ской части, Загребаева, гдѣ помѣщается „временный складъ“ журнала. Въ виду крайней эксцентричности рисунковъ и малаго количества экземпляровъ, отобранныхъ отъ газетчиковъ, № 1 „Журнала“ будетъ продаваться по 10—15 руб. Покупателямъ полная гарантія неприкосновенности личности. Одновременно съ этимъ, здѣсь же приглашаютъ опытнаго архитектора для постройки на имя жены прочнаго каменнаго дома въ 3—4 этажа. Для постройки имѣется солидный капиталъ (10—15 р. × на Х покупателей. + „гроши“ съ обывателей).

Требуются опытные давильщики. Предложенія просятъ присылать въ гл. почт. подъ литеру П. Н. Д.

Современныя пословицы и поговорки:

Кому крестики, а намъ „кресты“.

Кому пасхи да куличи,—намъ тюрьмы да палачи.

Двое веселятся,—троимъ висѣлица.

Будетъ охрана, будетъ и спина драна.

— Какой у насъ строй?
— Сквозь-строй.

Письма хунхуза.

II.

О, тѣнь Аттилы, прославленный въ прозѣ и стихахъ, Салъ-О-Субъ-Дуй!

Я довершаю свое преступленіе, продолжая утруждать твое просвѣщенное вниманіе моими жалкими изліяніями. Но, вернувшись въ родную Хунхузію, я искуплю свою вину передъ тобой: я принесу тебѣ въ даръ милліонъ русскихъ нагаекъ и въ честь твою, въ моей презрѣнной фанзѣ, въ которую входятъ съ содраганіемъ даже свиньи, устрою великолѣпный пиръ!

Предыдущее письмо я закончилъ описаніемъ моего ареста. Арестомъ называется здѣсь такой законъ, на основаніи котораго любой человѣкъ, во всякое время дня и ночи, незаконно задерживается и подъ усиленнымъ конвоемъ препровождается въ многочисленныя учрежденія, называемыя „кутузка“, „участокъ“, „кресты“, „застѣнокъ „предварилка“, „подъ шары“ и т. д. Русскіе люди очень привыкли къ этимъ учрежденіямъ и, снабжая ихъ разными именами, въ сущности не дѣлаютъ различія между ними, такъ какъ главнѣйшая принадлежность тюремъ—параша, имѣющая свойство задерживать дыханіе и вызывать рвоту, пользуется вездѣ одинаковымъ почетомъ. Арестъ можетъ произвести каждый человѣкъ, носящій имя „чинъ“. А такъ какъ „чиновъ“ несмѣтное множество, то и благоразумные россіяне не смѣютъ протестовать, когда „чинъ“, вооруженный карабиномъ, топоромъ, фонаремъ, и страннымъ оружіемъ, которое называется „селедка“, крикнетъ: „взять его за жабры, подлеца!“ Столь закономѣрныя дѣйствія ни для тебя, мой повелитель, ни для меня не новы. Мы привыкли къ нимъ, живя подъ охраной великой китайской стѣны. Упоминаю же о нихъ, чтобъ доказать неосновательпость страха дураковъ-хунхузовъ, опасающихся переселиться въ Московію, которую они, (о наивные дикари)! считаютъ Европой! Уже потомъ, когда я представлялся высшимъ мандаринамъ, въ томъ числѣ знаменитому Патроновъ-Не-Жалѣть, мнѣ объяснили, что свободное арестованіе явилось результатомъ конституціи, долго выпрашиваемой русскими конходи [1]) и наконецъ полученной. Кромѣ этой свободы даны еще четыре: свобода административной высылки, свобода усмотрѣнія начальства, свобода цензуры и свобода погромовъ. Удивляюсь непрактичности совѣтниковъ нашего богдыхана! Зачѣмъ они послали мандариновъ изучать конституціонное устройство у франковъ, когда они могли пріѣхать, какъ я, зайцами до станціи Маньчжурія и тамъ въ одинъ часъ изучить русскую конституцію подъ руководствомъ извѣстнаго борца за свободу казней капитана Меллеръ-Закомельскаго!

Поощряемый ударами въ шею я подошелъ къ воротамъ, у которыхъ стоялъ воинъ съ саблей [illegible]овѣ [2]). Домъ украшала большая башня и на площадкѣ ея ходилъ какой-то несчастный, очевидно, тяжкій преступникъ, осужденный на вѣчную муку ходить кругомъ башни. Мои провожатые смотрѣли на башню съ нескрываемой гордостью. “Эфтого ты не увидишь у себя въ Китаѣ!“—сказали они мнѣ, „эта башня—каланча! Понимаешь-ли, ка-лан-ча! Мало того, что съ нея отлично видно пожары, когда они здорово разгорятся, она напоминаетъ каждому о свободѣ собраній. Видишь черные шары? Стоитъ лишь собраться двумъ-тремъ человѣкамъ, какъ ихъ сейчасъ-же тащатъ подъ шары.“ О, мудрые правители Ли-Хунгъ-Чангъ и Юан никай! Слышали вы что нибудь подобное?

Ты, конечно, помнишь судбище у мукденскаго наіона [3]). Вспомнилъ и я его, когда очутился въ большой комнатѣ, раздѣленной по поламъ баррикадой. Въ одной половинѣ стояли столы и за ними сидѣли капитаны, [4]) которые усердно писали. Всѣ писанія начинались словомъ: „доношу“. Толстый капитанъ творилъ судъ надъ преступниками, собранными въ другой половинѣ комнаты. Раньше чѣмъ очередь дошла до меня, я былъ свидѣтелемъ высшаго правосудія. „Ты кто!“ спрашивалъ толстый капитанъ человѣка, взглянувъ на котораго я, смѣло дѣлавшій харакири, почувствовалъ ужасъ. „Петербургскій извощикъ, ваша честь!“ — „Мерзавецъ! По какому такому праву ты осмѣлился срѣзать уголъ, объѣзжая городового?“ — „Слобода, ваше сіясь“. — „Молчать! Запеpрреть его! Ты кто?“ спрашивалъ наіонъ другого. — „Пришелъ за паспортомъ, какъ изволили приказать“. — А, Значитъ негодяй, ты ходишь безъ паспорта? Молчать! Въ темную! Запеpрреть! Ты откуда явился?“ слѣдовалъ вопросъ, обращенный къ третьему. — „Изъ Гомеля.“ — „Жидъ? Революціонеръ? Соціалъ-демократъ? Запеpрреть безъ всякихъ разговоровъ!“ Наконецъ, пришла и моя очередь. Я, отлично знакомый съ судебнымъ слѣдствіемъ, производимымъ китайскими чиновниками, опустился на колѣни и поднялъ вверхъ руки, выставивъ большіе пальцы и сжавъ остальные. „Хао, хао!“ [5]) воскликнулъ я, показывая такимъ образомъ свой восторгъ передъ справедливостью наіона. „Кто эта сволочь?“ Кромѣ этого вопроса, обращеннаго къ моимъ провожатымъ, великій судья оказалъ честь моей мамашѣ, неожиданно вспомнивъ ее. — „Докладываетъ, что хунхузъ, а надо полагать, что агитаторъ!“, отвѣчали мои провожатые. Прости, Салъ-О-Субъ-Дуй, мою забывчивость и не вели меня четвертовать, когда увидишь! Я не описалъ моихъ провожатыхъ. Это были люди, — великаны, съ такими большими кулаками, что будь хоть одинъ изъ нихъ во главѣ нашихъ „большихъ кулаковъ“, фельдмаршалъ Вальдерзе никогда не видѣлъ-бы Пекина! Одни изъ этихъ людей были одѣты въ медвѣжьи шубы и произносили не-членораздѣльные звуки. Отъ нихъ пахло ханшиномъ [6]). Другіе были вооружены съ ногъ до головы. Каждый держалъ въ рукѣ винтовку системы фонъ-деръ-Лауница со скользящимъ затворомъ и за спиной тоже висѣла винтовка. Къ поясу прикрѣплялись бомбы, во множествѣ фабрикуемыя въ Россіи. Съ цѣлью увеличить доходы казны установленъ налогъ на бомбы и, такъ какъ появились „фальшиво-бомбисты“, то на бомбахъ, изготовляемыхъ правительствомъ, гравируется какъ и на кредитныхъ билетахъ, что „виновные въ изготовленіи фальшивыхъ бомбъ подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы и смертной казни черезъ повѣшеніе“. Въ случаяхъ, смягчающихъ вину, повѣшеніе замѣняется разстрѣляніемъ или особымъ видомъ смертной казни, недавно изобрѣтеннымъ въ Севастополѣ и именуемымъ „конфирмація“. Люди въ медвѣжьихъ шубахъ называются „дворниками“. Люди съ винтовками носятъ странное названіе „за-шивороты“.

— „Агитаторъ? продолжалъ допрашивать наіонъ. „Жаль, что у насъ введена неприкосновенность личности и нельзя избить тебѣ харю! Отдуть его, не прикасаясь къ мордѣ!“ — Хао, хао! твердилъ я, умиленный справедливостью рѣшенія“. — „На основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ обвинительный актъ долженъ быть врученъ тебѣ черезъ 24 часа. Но такъ какъ въ томъ-же циркулярѣ говорится что въ виду массы судебныхъ дѣлъ не всегда представится возможнымъ своевременно вручать обвиненіе, то ты получишь его послѣ дождичка въ четвергъ“. — „Обыскать его и запеpрреть!“

Меня привели въ помѣщеніе, которое въ первомъ письмѣ я назвалъ клоповникомъ. Офиціально оно называется „помѣщеніемъ для арестованныхъ“. Не буду описывать подробностей обыска. Ты, мудрый Салъ-О-Сгубъ-Дуй и твои служители такъ часто производите обыски, что процедура ихъ вамъ не интересна. Короче говоря, послѣ обыска я остался, въ чемъ мать родила! Но ни клоповникъ, ни параша, ни обыски, ни „за-шивороты“, ни неприкосновенность личности, сдѣлавшейся прикосновенной, ни исчезновеніе послѣ обыска наслѣдства транспортнаго чиновника, ни арестантскія щи и каша не могли поколебать моего радостнаго настроенія. Я умилялся сердцемъ, потому что вся обстановка напоминала мнѣ родную, разбойничью Хунхузію! Притомъ я надѣялся на мои рекомендательныя письма отъ земляковъ Брр-Ска-Л-О-На, Пра-Со-Ло-Ва и другихъ и видѣлъ многозначительныя надписи „принимаютъ отъ двухъ“. Послѣ сладкаго сна на ложѣ нѣги, излюбленномъ русскими и называемомъ „нары“, меня повели въ верховный судъ...

Твой рабъ и подражатель

хунхузъ Кара-Н-Гозъ.

---

[1]) работникъ.

[2]) явное недоразумѣніе.

[3]) китайскій приставъ.

[4]) китайцы называютъ всѣхъ русскихъ чиновниковъ „капитанами“.

[5]) хорошо.

[6]) водка.

„Герой нашего времени“.

(Посвящается новому почтъ—директору Стеткевичу).

Царитъ въ Почтамтѣ „генералъ“,
(Самъ Дурново его назначилъ)
Приказовъ съ дюжину онъ далъ
И всѣхъ почтамтскихъ озадачилъ.

Онъ—добрый, „Божій“ человѣкъ:
Посты усердно соблюдаетъ,
Не признаетъ двадцатый вѣкъ
И всѣхъ молиться посылаетъ.

Онъ—честный, вѣрный „патріотъ“,
Крамолу злую ненавидитъ,
Почтамтскій бѣдненькій народъ
Онъ никогда ужъ не обидитъ...

Онъ забастовщиковъ лихихъ
Всѣхъ къ покаянью призываетъ,
И черносотенцевъ отъ нихъ
Съ заботой нѣжной отстраняетъ.

Онъ рѣчь ведетъ, что всѣ должны
Забыть свободы и протесты;
Сулитъ награды и чины
Всѣмъ черносотенцамъ извѣстнымъ.

Онъ говоритъ: „ужасный грѣхъ
Вы забастовкой причинили,
Министровъ огорчили всѣхъ,
Присягу, долгъ свой позабыли...
Вы нанесли ужасный вредъ
Всѣмъ богачамъ и бюрократамъ,
И состраданья больше нѣтъ
Къ вамъ, забастовщикамъ треклятымъ.

Я знаю, много есть средь васъ
Ка-детовъ разныхъ и эсъ-эровъ,
Но охлажу я ихъ экстазъ
И приведу всѣхъ въ нашу вѣру.

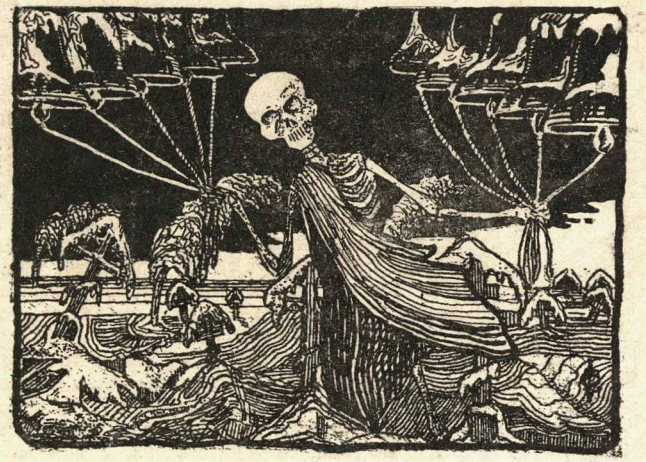
А вамъ, службистамъ, говорю:
Трудитесь, силы не щадите,
Служите правдою Царю,
Свой крестъ безропотно несите.

Чтобъ грѣхъ недавній искупить,
Земные дѣлайте поклоны...
Не стану никого щадить,
Кто будетъ осуждать законы.

Поляки, мерзкіе жиды
Васъ на крамолу наталкнули,
Но бойтесь этой вы среды,
Чтобъ въ омутъ всѣхъ васъ не втянули.

А въ искупленье за грѣхи
Часы я службы вамъ прибавлю,
А дальше будете плохи,
— Совсѣмъ отъ должности отставлю.

Чины почтамта! Трепещите!
Послѣдній часъ для васъ насталъ:
На службѣ отдыха не ждите,
Пока царитъ сей „генералъ“.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 г.

на еженедѣльный литературно-художественный журналъ политической и общественной сатиры.

„АНЧАРЪ“.

Въ журналѣ принимаютъ участіе выдающіеся сатирики и художники. Редакціи и контора журнала „Анчаръ“:—СПБ. Бол. Подъяческая ул. д. 4, кв. 13.

Редакторъ принимаетъ **исключительно** по Понед. и Пятниц. отъ 4 до 6 веч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	на 1 годъ.	на 9 мѣс.	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.
Въ С.-Петербургѣ	4 руб. — к.	3 руб, — к.	2 руб. 25 к.	1 руб. 50 к.
„ Провинціи	5 „ — „	4 „ — „	2 „ 75 „	1 „ 75 „
Заграницу	8 „ — „	6 „ 50 „	4 „ 50 „	2 „ 50 „

Контора открыта ежедневно отъ **10** час. утра до **4** час. дня.

Гг. подписчики, какъ городскіе, такъ и иногородніе, а также наши представители и коммиссіонеры, въ случаѣ пріостановленія или прекращенія, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, изданія **„Анчара“**, будутъ неотложно, въ полномъ размѣрѣ заказа, удовлетворены новымъ журналомъ, однороднаго съ **„Анчаромъ“** направленія, на условіяхъ журнала **„Анчаръ“**.

Петербургскимъ газетнымъ артелямъ нумера „Анчара“ и журналовъ, которые замѣнятъ „Анчаръ“, въ случаѣ пріостановленія или прекращенія этого изданія, отпускаются на слѣдующихъ условіяхъ:

При розничной цѣнѣ въ Петербургѣ: 10 коп. — **Артелямъ отпуснается: 6½** коп.

Оптовымъ покупателямъ въ провинціи, т. е. агентамъ редакціи и коммиссіонерамъ, нумера журнала отпускаются по цѣнамъ петербургскихъ газетныхъ артелей, на слѣдующихъ условіяхъ:

а) Редакція за свой счетъ пакуетъ и доставляетъ на вокзалъ или почту весь заказъ.

б) За перевозку груза по желѣзной дорогѣ или пересылку его по почтѣ, оптовый провинціальный покупатель уплачиваетъ впередъ или на мѣстѣ назначенія груза (наложенный платежъ).

в) Оптовый провинціальный покупатель уплачиваетъ впередъ деньги за ⅓ стоимости груза изъ разсчета по 6½ коп. за экземпляръ. На остальную сумму (⅔) заказа можетъ быть сдѣланъ наложенный платежъ

г) За конфискацію груза въ пути слѣдованія или по прибытіи его въ городъ назначенія—редакція не несетъ никакой матеріальной отвѣтственности.

Къ читателямъ.

Редакціи журнала „Анчаръ“ проситъ читателей сообщать ей, не стѣсняясь формой изложенія, всѣ достойные быть отмѣченными, какъ знаменіе времени, факты мѣстной политической и общественной жизни. Могутъ быть прилагаемы фотографическія карточки, которыя возвращаются редакціей по минованіи надобности. Главное условіе корреспондированія — отсутствіе личныхъ счетовъ.

Нашъ почтовый ящикъ.

Нашимъ заграничнымъ и провинціальнымъ коммиссіонерамъ. Еще разъ напоминаемъ, что журн. „Анчаръ“, въ какомъ бы количествѣ экземпляровъ онъ не былъ затребованъ Вами—Контора будетъ высылать налож. платежемъ лишь на условіяхъ изложенныхъ въ объявленіи о нашемъ изданіи и никакихъ отступленій отъ этого и впредь контора не будетъ дѣлать.

Г-ну Сергѣеву. (Парижъ) Ваши стихи получили. Одобряемъ. Воспользуемся за нѣкоторымъ сокращеніемъ и измѣненіемъ.

Г. М. Петрову. (Саратовъ) Присланный Вами разсказъ получили. Длиненъ и безсодержателенъ.

И. М. За—ву. (Москва) Совѣтуемъ перебраться въ Петербургъ и поступить на службу въ охранное отдѣленіе. Черносотенную литературу рекомендуемъ отсылать туда же.

Владиславу Проневичу (Воронежъ). Присланные Вами рисунки не могутъ быть помѣщены вслѣдствіе плохого исполненія, а нѣкоторые и вслѣдствіе отсутствія подходящей къ программѣ журнала идеи.

Издатель: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.

Типографія Х. И. Бреденфельдъ и Ко., Забалканскій пр. № 22.

Редакторъ: И. И. Смирновъ.